

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

3
М.-66

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Часть первая

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

УЧЕБНИК ДЛЯ КОМБУЗОВ И ВТУЗОВ

*Коллектив Института философии Комкадемии
под руководством М. МИТИНА*

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА 1933

ЗАКОНЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ**I. Закон единства противоположностей**

В «Диалектике природы» Энгельс писал: «(Развить общий характер диалектики, как науки о связях, в противоположность метафизике).

Таким образом законы диалектики были отвлечены из истории природы и человеческого общества. Но они не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления. По существу они сводятся к следующим трем законам:

Закон перехода количества в качество, и обратно.

Закон взаимного проникновения противоположностей.

Закон отрицания отрицания»¹.

Энгельс далее указывает, что все эти законы были уже развиты Гегелем, но *на идеалистический манер*, т. е. они не были выведены из природы и истории, а навязаны последним как необходимые законы, которым история и природа должны подчиняться. Отсюда неизбежно у Гегеля получилась «вымученная и часто ужасная конструкция».

Между тем стоит только материалистически подойти к этим законам, как все становится, по выражению Энгельса, простым и ясным. Указанные основные законы диалектики являются реальными законами развития объективного мира, а также и законами познания мира, поскольку они являются отражением в нашем сознании самого этого объективного мира.

Перейдем теперь к рассмотрению основного закона материалистической диалектики—закона единства противоположностей.

История человеческой мысли знает *две основные концепции развития*. Согласно одной из них, развитие понимается как *уменьшение и увеличение*, как количественный рост и *повторение* того же самого, что было и раньше. Вещи, каким бы образом они ни возникли с самого начала, а равно и мысленные отображения их в человеческой голове, согласно этой концепции, остаются всегда сами себе равными. Раз возникнув, вещь, оставаясь

¹ Энгельс. Диалектика природы, стр. 125.

неизменной по своей природе, совершает однообразный путь движения по одному и тому же неизменному кругу. Развитие любой вещи, развитие растения, животного, человека сводится по существу к росту, увеличению различных сторон и свойств, которые у него имеются и заранее, но в «маленьком», зародышевом виде. В этом представлении, лишенном и намека на действительный исторический характер развития вещей, заключается смысл названной метафизической концепции развития, опорой которой в конечном итоге является учение об абсолютной неизменности природы, безраздельно господствовавшее в XVII и XVIII вв., и которая получила и в XIX и XX вв. свое возрождение в буржуазных вульгарных эволюционных теориях.

При такой концепции необъяснимыми остаются, во-первых, причины того разнообразия предметов, которое предстает нашему взору, причины возникновения иного, *нового* и смены им старого. Во-вторых, и это самое главное, необъяснимый характер принимает источник движения и развития. Не умея объяснить внутренние причины, дающие импульс, толчок к развитию, метафизическая концепция вынуждена переносить этот источник вовне то ли под видом материальных метафизических «сущностей» и «сил», то ли под видом надмирового духа!

Ленин указывает, что к концу XIX и в XX столетии с принципом развития «согласны все», но что это такое внешнее, поверхностное «согласие», которое опошляет и затемняет истинное понимание этого развития. «Если все развивается, — говорит Ленин, — значит все переходит из одного в другое, ибо развитие ваведомо не есть простой, *всеобщий* и вечный *рост, увеличение* (соответственно уменьшение) и т. д... Надо *точнее* понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы»¹. Не понимая этого основного в развитии, вульгарно-эволюционные теории не видят путей развития нашего мышления, отображающего развитие бытия, не понимают *объективного значения и роли диалектики познания*, не умеют связать принцип развития с материалистическим принципом *единства* мира:

Не понимая того, что развитие любой вещи (и явления) есть ее собственный, внутренними особенностями самой вещи обусловленный переход из одного в *другое*, вульгарно-буржуазная концепция развития не видит в развитии собственного движения вещи, ее, как выражался Гегель, *самодвижения*. Развитие растения, животного, человека, человеческого общества представляется буржуазным эволюционистам как повторение в увеличенном виде, как простой рост, развертывание некоторых вечных, неизменных свойств и особенностей, изначально присущих данному растению, организму, обществу и лишь находившихся ранее в скрытом, в менее отчетливо выраженном состоянии, в зародыше. Этот рост их, по мнению названных теоретиков совершается под воздействием условий *внешней* среды благодаря «перекачке энергии», благодаря получению растением, животным, человеческим организмом питания извне. Развитие человеческого общества изображается ими как повторение и развертывание некоторых не-

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 185.

изменных, вечных черт, характерных для буржуазного общества с его капиталистической эксплуатацией, конкуренцией, индивидуализмом и т. д., которые буржуазные ученые ухитряются находить и в древнем рабовладельческом обществе и даже у первобытных дикарей. О причинах, источнике, движущих силах развития общества буржуазная наука поэтому или вовсе не задумывается, или объясняет его умственным прогрессом человечества, которое вследствие многократного повторения начинает-де лучше сознать вечные и естественные черты всякого человеческого общежития, или же пытается объяснить развитие различными внешними географическими и климатическими условиями жизни различных обществ, условиями «равновесия» общества и внешней среды!

В противоположность эволюционной концепции диалектика требует изучения *«вещи в самой себе»* (Ленин), *ее отношений к другим* вещам; она рассматривает развитие вещи как ее спонтаннейшее развитие, т. е. как внутренне-необходимое самостоятельное, *собственное* движение вещи, как ее *самодвижение*.

По поводу учения Гегеля о развитии как самодвижении Ленин писал: «Движение и *«самодвижение»* это **НВ!** самопроизвольное (самостоятельное) спонтаннейшее, *внутренне-необходимое* движение), «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» к «движению» и к «деятельности» — противоположность *«мертвому бытию»* — кто поверит, что это суть «гегелевщины», абстрактной и *abstrusen* (тяжелой, нелепой?) гегельящины?? Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс»¹. В гегелевском идеалистическом учении о *самодвижении* марксизм вскрыл рациональное ядро, очистил его от мистических представлений о чисто логическом развитии, понял как закон развития объективного мира.

Одни внешние причины, взяты сами по себе, могут вызвать лишь механическое изменение данной вещи, увеличение или уменьшение ее объема, размеров и т. п. Но уже простой рост растений или животного организма есть не только количественное увеличение: он предполагает и качественное изменение организма, переход его из одного состояния в другое. Примерно одни и те же географические и климатические условия действовали в Европе в течение многих веков и очевидно не ими объясняется развитие общества. Напротив того, одинаковые географические условия вызывали бы скорее всего однообразие общественных отношений, повторение одних и тех же способов труда и т. п., как это показывает пример многих африканских и азиатских племен. Между тем в Европе например при приблизительно одинаковых условиях географической среды мы имеем огромное разнообразие и неравномерность в историческом развитии отдельных стран. Очевидно, что воздействие внешних условий преломляется через *внутренние* особенности данной общественной формации. Лишь выявив внутренние, собственные движущие силы развития, лишь обнаружив импульсы, толчки изнутри, даваемые развитию соб-

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 127—128.

ственной жизнью, предмета, можно понять действительную сущность развития как самодвижения явлений природы, общества, человеческой мысли.

Что же такое наконец самодвижение? Не будет ли в представлении о самодвижении вещей некоторого привкуса мистики и гегелевского идеализма, как это например полагает г. Бухарин? Ни в коем случае, если только не подходить к движению и развитию чисто механически, не видеть в нем простого перемещения или количественного увеличения, если, с другой стороны, не подходить к самодвижению идеалистически, не видеть в нем чисто логического развития, самопорождения понятий, если понимать, что самодвижение есть самодвижение объективного мира. Самодвижение есть *собственное* движение вещи, вызываемое как внутренними, так и внешними обстоятельствами, но происходящее по внутренним, свойственным самой вещи законам, переход ее благодаря внутренним импульсам, превращение ее в другую вещь. Изучение любого объекта в самодвижении избавляет нас от идеалистических представлений о высших внешних силах (бог, мировой дух) или о высших внутренних духовных сущностях. И в то же время оно несколько не освобождает нас от необходимости изучать также и ту роль, которую наряду с внутренними причинами для этого развития играют внешние условия. Именно взгляд на развитие как самодвижение вещей заставляет наше внимание устремиться на познание действительного внутреннего, собственного *источника* развития. Этот источник, эту двигательную силу материалистическая диалектика находит во *внутренней противоречивости* всего существующего, в движении и развитии внутренних противоречий. Противоречивость в самой вещи, внутренние противоречивые силы и *тенденции*, стороны в любом явлении природы и общества и есть то основное, из чего материалистическая диалектика исходит в своем понимании развития.

Для метафизики, для формальной логики противоречия возможны только в *нашем мышлении*, а не в объективной действительности. Но эти логические противоречия, по взгляду формальной логики, есть как раз то зло, которого нужно избегать; противоречия, согласно формальной логике, говорят о *несогласованности мыслей*, о неправильном ходе мышления, они мешают правильному развитию мысли. Если буржуа полагает, что «диктатура пролетариата направлена против демократии», то для него будет логическим противоречием признать одновременно, что «диктатура пролетариата есть высшая форма демократии»: эти обе мысли для него несоединимы. Для диалектической логики противоречия мышления представляют собой отражение *противоречий реального объективного бытия*: она не довольствуется внешними определениями, кажущейся несогласованностью двух противоречащих друг другу положений. Материалистическая диалектика проникает во внутреннюю сущность изучаемого предмета и в самом предмете находит *внутреннюю связь* противоречивых сил, тенденций, сторон, определений. В самой объективной действительности марксизм вскрывает характерные для нее и движущие ее противоречия. Отрицание старой

буржуазной демократии и создание новой пролетарской демократии в диктатуре пролетариата есть реальный *двусторонний* противоречивый процесс. «В собственном смысле диалектика, — указывал Ленин, — есть изучение противоречия в самой сущности предметов»¹.

Признание *противоречивости* вещей метафизику представляется делом невозможным, потому что он рассматривает вещи и явления вне их связи, вне их непрерывного взаимодействия.

«Но совсем иное получается, — указывает Энгельс, — когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном влиянии друг на друга. Тут мы тотчас же наталкиваемся на *противоречия*. Само движение есть противоречие; даже простое механическое перемещение может происходить лишь таким образом, что тело в один и тот же момент времени находится в одном месте и в то же время в другом месте, находится в одном и том же месте и не в нем. И постоянное полагание и вместе с тем разрешение этого противоречия и есть именно движение»².

Марксистско-ленинское учение о реальности противоречий, вскрывая эти объективные противоречия также и в общественно-исторической жизни людей, становится важнейшей теоретической основой революционной классовой борьбы пролетариата. Неудивительно, что это учение встречает яростные нападки со стороны буржуазных теоретиков. Многочисленные «критики» марксизма не раз пытались опровергнуть приведенное положение Энгельса о движении как о противоречии. Они ссылались на то, что в действительности движущийся предмет в разные моменты времени проходит якобы различные точки пространства. Если разделить, доказывали «критики» (Струве, В. Чернов и др.), пространственную линию, непрерывно проходимую предметом, на ряд мелких отрезков, точек, «перерывов» пространства, то в каждый отдельный момент времени предмет принимает какое-либо *одно положение* в пространстве, занимает одну точку, соответствующую *одному* какому-либо отрезку этого пространства.

Ленин показал всю абсурдность этой «критики», которая на деле сводит непрерывное движение к ряду *перерывов* этого движения в пространстве и времени, к ряду состояний *покоя*, неподвижных состояний предметов. На деле каждое новое положение предмета возможно лишь как результат некоторого движения из одной точки пространства в другую; критики не понимают, что двигаться — это значит быть в данной точке и в то же время *не быть* в ней, что без этого противоречия, без этого единства непрерывности и прерывности самое движение было бы невозможно, что отрицать противоречие — значит просто замазывать его. «Это возражение неверно, — писал Ленин, — 1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; 2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; 3) оно изображает движение, как сумму, связь состояний *покоя*, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, зававе-

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 183.

² Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 85. Подчеркнуто нами. — *Дет.*

пено»¹. «Движение есть *единство непрерывности* (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть *противоречие*, есть единство противоречий»².

Но противоречие лежит в основе не только наиболее простых и общих форм движения. В особых формах движения и развития отдельных предметов и процессов проявляются диалектические противоречия.

Нетрудно подметить эти противоречия, движущие развитие в любой области: в природе, в обществе, в мышлении.

Процесс жизни, указывал Энгельс, неразрывно связан с противоположным процессом смерти: постоянное отмирание и обновление клеточек является—и в этом противоречие!—условием жизни и развития всего организма. В механике любое действие внутренне противоречиво, оно вызывает противодействие и необъяснимо без последнего. Любая величина в математике внутренне противоречива, она может быть и положительной и отрицательной величиной. Любое явление в общественной жизни этого общества пронизано проникающими все стороны жизни классового общества противоречиями и борьбой классов, будь то купля-продажа рабочей силы или возвышенное философское учение. Вульгарное буржуазное мышление замечает только *различие* вещей, а не их *противоположность*; оно ограничивается тем, что указывает на разнообразие наших представлений, но не проникает в самую *сущность* вещей. Между тем в каждом различии, в разнообразии наших представлений нужно уметь видеть *различие по существу, противоположность* сторон, сил, тенденций объективного мира. «Противоположность сил, сторон, тенденций, заключенных в любой вещи, есть их *отрицательное отношение* (негативность) друг к другу, есть живая их *противоречивость*, дающая внутренние импульсы самодвижению вещи».

Итак, в чем же заключается эта внутренняя противоречивость любой вещи (и явления)? В том, что это *единый* предмет (процесс, явление и т. д.), в котором в одно и то же время *противоположности* и *взаимно исключаются* и *взаимно проникают* одна другую. Противоположности *внутренне связаны* в своем развитии, одна является условием для существования другой противоположности, и в то же время враждебны одна другой, ведут между собой *борьбу*.

«Мыслящий разум (ум),—замечает Ленин,—заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь подняться на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными и живыми по отношению одного к другому,—приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсирующей самодвижения и жизненности*»³.

Это *раздвоение единого*, внутреннюю противоречивость, наблюдаемую в любом явлении природы, истории и духовной жизни, еще со времен древнегреческого философа Гераклита подмечен-

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 193.

² Там же, стр. 191. Подчеркнуто нами.—*Авт.*

³ «Ленинский сборник» IX, стр. 133.

ную мыслителями, Ленин охарактеризовал как *суть* диалектики, как ее основную особенность. Материалистическая диалектика Маркса—Энгельса—Ленина видит в *единстве (взаимопроникновении)* противоположностей основной закон диалектического развития. Он получает свое специфическое проявление в *противоречиях*, присущих всем особым формам движения.

Разнообразие вещей объясняется специфичностью форм движения, из которых каждая характеризует особое качество вещи. Мы наблюдаем в природе ряд форм движения, как то: механическое движение, свет, теплота, электричество, химическое соединение и разложение и др. Все эти формы движения взаимно обуславливают друг друга, переходят одна в другую. Познание человеком материи исчерпывается познанием *форм движения материи*, ибо кроме движущейся материи в природе нет ничего. Каждую форму движения надо брать в ее своеобразии, качественном отличии от других. Материалистическая диалектика выясняет, что *всякой форме движения присуще особое, собственное противоречие*, свои собственные единства и *борьба противоположностей*. Познание каждого данного единства противоположностей, специфического для данной области явлений, составляет предмет отдельных наук. Так для математики основными противоположностями являются положительная и отрицательная величины, дифференциал и интеграл; для механики—действие и противодействие; в физике—положительное и отрицательное электричество и т. п.; в химии—соединение и диссоциация элементов; в человеческом обществе и общественной науке—борьба классов.

Диалектическая концепция развития понимает развитие как *«раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними»*¹. Это «взаимоотношение» противоположностей и является *внутренним источником* движения. При этой концепции развития «главное внимание устремляется именно на познание источника «само»движения»². Характерной особенностью этой концепции является *признание* в силу внутренней борьбы противоположностей *появления нового* на место старого. В то время как все буржуазные эволюционные теории, не отрицая возможности появления нового, главное внимание обращают на то *общее*, что имеется у старого и нового, стремятся рассматривать новое как увеличенное и повторенное в том или ином отношении старое, диалектическое учение о развитии, наоборот, подчеркивает особенность, *своеобразие нового*. Ограниченность всякой буржуазно-эволюционной теории, принципиально противоположной диалектическому учению о развитии, заключается в конечном счете в *сведении нового к старому*, а следовательно в отождествлении первого с последним. Между тем именно качественные особенности собственно и дают основание новому, возникшему на место старого, называться новым. Для диалектической концепции развитие предполагает превращение вещей, переход из одного качества в другое.

Закон единства противоположностей, согласно определению Ле-

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 324. Подчеркнуто нами.—*Дет.*

² Там же.

вина, есть «признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)»¹.

Взаимоотношение—взаимопроникновение и борьба—противоположных, противоречивых сторон, заключенных в предмете, определяет его жизнь, дает ему импульсы к самодвижению, к развитию. Вот почему закон единства, взаимопроникновения противоположностей является основным, важнейшим, решающим в диалектике. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его,—говорит Ленин,—*есть суть диалектики*»². Единство противоположностей в своих заметках он называет *ядром* диалектики.

Закон единства противоположностей является самым общим законом объективного мира и познания. «Условие познания всех процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтанном развитии, в их живой жизни,—говорит Ленин,—*есть познание их, как единства противоположностей*»³.

Таким образом закон единства противоположностей есть *основной* закон диалектики. Закон единства противоположностей, будучи самым общим законом, применим ко *всем* явлениям объективного мира и к процессу познания. Ошибка Плеханова, на которую в своем фрагменте «К вопросу о диалектике» указывает Ленин, заключалась в том, что он не понимал решающего и всеобщего значения этого закона как закона познания и закона объективного мира, что он сводил его к *«сумме примеров»*.

Если Энгельс в «Анти-Дюринге» приводил в интересах *популярного* изложения ряд примеров этого закона, в то же время рассматривая взаимопроникновение противоположностей как наиболее общий закон развития⁴, то Плеханов сводит этот всеобщий закон к *частным* его случаям и проявлениям. Плеханов останавливает свое внимание лишь на законе перехода количества в качество, на противоречии содержания и формы. Нередко, обвиняя Ленина в непонимании диалектики, Плеханов в своих многочисленных работах так и не сумел дать обоснование этого ядра, сути диалектики, не сумел даже понять теоретического значения гегелевской «Логики», в которой этот закон получил свое развитие на идеалистической основе. Нередко Плеханов обнаруживает *эклектичное* понимание этого закона как «сочетания противоположностей».

Диалектика в корне враждебна всякому эклектизму: марксизм-ленинизм не был бы руководством к *действию*, если бы он не давал точных и определенных ответов, характеризующих существо предмета или процесса, каким бы «сложным» он ни представлялся. Поэтому в материалистической диалектике крайне важно правильно понять, в чем состоит *взаимоотношение* между противоположностями. Единство противоположностей есть одновременно их взаимное проникновение, их *тождество* и их взаимное исключение, отрицание, *борьба*.

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 323.

² Там же.

³ Там же, стр. 323—324.

⁴ Наиболее полно этот взгляд формулирован Энгельсом в «Диалектике природы».

Определяя: «вещь (явление и т. д.) как сумма и единство противоположностей»¹, Ленин писал: «Не только единство противоположностей, но переходы каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое (в свою противоположность?)»². «Обычное представление,—говорил в другом месте Ленин,—схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это самое важное»³. «Диалектика,—формулировал поэтому Ленин,—есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположностями,—при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,—почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»⁴.

Тождество противоположностей, их взаимопроникновение, их взаимопереход одной в другую Ленин считает самым важным для понимания сути диалектики. В то же время он подчеркивает условный характер этого тождества противоположностей, возможность его лишь при определенных условиях, то обстоятельство, что единство противоположностей относительно, а борьба их абсолютна. Процесс жизни и процесс смерти, указывалось выше, в известном отношении взаимно продолжают один другой: отмирание клеток организма—необходимое условие для их обновления, необходимый момент жизненного процесса; противоположности—жизнь и смерть—как бы становятся тождественными друг другу, взаимопереходят одна в другую. Но ясен условный характер этого отождествления: жизнь все же есть жизнь, а не смерть; элементы жизни побеждают в этом процессе моменты отмирания и господствуют над ними. Производство и потребление,—указывал Маркс,—не только противоположны, но и взаимно проникают друг в друга в целом ряде отношений. «Каждое непосредственно является своею противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее их движение»⁵. Производство делает возможным потребление, создает предмет потребления, придает потреблению его определенность и характер. Потребление завершает процесс производства продуктов, вызывает потребность в производстве, является составным моментом производства. Однако это не значит, что мы можем стождествить производство и потребление. Непосредственное их единство, говорит Маркс, не уничтожает их непосредственной раздвоенности.

Буржуазия и пролетариат в капиталистическом обществе являются внешними, враждебными друг другу противоположностями. Однако эти классы неразрывно связаны между собой в экономической структуре капитализма, и наличие одного класса является условием для существования другого. Без буржуазии также не может быть капитализма, как и без пролетариата. Создание рабочим классом, лишенным средств производства, прибавочной стоимости для покупающей его рабочую силу буржуазии и эксплуата-

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 275.

² Там же, стр. 277.

³ Там же, стр. 131.

⁴ Там же, стр. 69.

⁵ Маркс, К критике политической экономии, стр. 18.

ция рабочей силы буржуазией, собственницей средств производства, есть *единый* процесс, обуславливающий самое существование капиталистического общества. В то же время очевиден условный характер этого единства, «взаимопроникновения»: ни о каком единстве *интересов* обоих классов говорить не приходится; не совпадение классовых интересов, но, наоборот, их борьба является основой общественного развития. Укрепление пролетарского государства, указывает т. Сталин, *подготавливает условия для его отмирания* в будущем. Укрепление диктатуры пролетариата и будущее отмирание государства таким образом не внешние противоположности: укрепление диктатуры пролетариата *тождественно* подготовке условий его будущего отмирания. Однако было бы величайшим заблуждением забывать о противоположности этих этапов и попросту отождествить оба процесса, считать, что вместе с укреплением пролетарского государства непосредственно происходит его отмирание...

Современный механицизм, меньшевистский и меньшевистствующий идеализм в корне извращают правильное ленинское понимание единства и взаимопроникновения противоположностей. Механисты, начиная с Дюринга и кончая т. Бухариным, рассматривают всякого рода противоположности, находящиеся в единстве, как *внешние друг другу, противоположно направленные одна против другой силы*. Всякое единство противоположностей, всякое противоречие механисты отождествляют с *внешним* противоречием, с *антагонизмом* враждебных сил, при этом сосуществование этих сил и сохранение противоречия они объясняют *равновесием* противоположностей. Энгельс высмеивал плоское понимание Дюрингом противоречий как противоположно направленных сил. Ленин указывал т. Бухарину, читая его «Экономику переходного периода», что неправильно отождествлять противоречие с антагонизмом, что при социализме например классовые антагонизмы исчезнут, а противоречия между природой и обществом, производительными силами и производственными отношениями будут иметь место.

Антагонизм есть особый, частный случай противоречия, когда противоположности в своем развитии приходят в столкновение друг с другом, как внешние, физические силы. Лучшим примером антагонизмов являются *классовые* противоречия между эксплуатируемыми и эксплуататорскими классами. Однако при диалектическом понимании противоречий мы должны искать и находить на известном этапе развития антагонизмов возможную внутреннюю связь *даже* и между антагонистическими противоположностями, иначе немислимо было бы сколько-нибудь длительное сосуществование этих крайностей в одном предмете, явлении, обществе и т. д. (см. выше пример буржуазии и рабочего класса). Вся *переходную* эпоху пронизывают антагонизм и борьба умирающего капитализма и рожденного революцией социализма. Тем не менее на ранней, восстановительной ступени *наша* Ленин считал возможным использование методов госкапитализма, контролируемого диктатурой пролетариата, использование *напманской* буржуазии для подъема и развития производительных сил при условии полного ее подчинения пролетарским законам и одновременно с ограниче-

нием и вытеснением ее. Период социалистической реконструкции и наступления социализма по всему фронту выдвигает задачу ликвидации кулачества как класса, уничтожения остатков капитализма в экономике и сознании людей: антагонизм капиталистических элементов и социалистического уклада делает уже невозможным их дальнейшее сосуществование, классовая борьба обостряется. Правые оппортунисты, отождествляющие антагонизмы и противоречия и изображающие противоречивое развитие как равновесие антагонистических сил, выступили с проповедью *примирения*, равновесия борющихся сил, капиталистического и социалистического секторов, с теорией затухания классовой борьбы в советской экономике в процессе этого «уравновешивания» секторов.

Меньшевизм и меньшевистствующий идеализм также извращают правильное понимание единства противоположностей. Меньшевистствующие идеалисты понимают его как «гибкость, примененную субъективно», как *софистику* и *эклетику*. Они рассматривают единство противоположностей как их *эклетическое* сочетание. Меньшевистствующие идеалисты, отходя от ленинской формулировки закона единства противоположностей, рисуют совершенно механистическую схему, согласно которой мы сначала имеем простое различие, потом противоположность, а затем противоречие. Они не понимают, что в каждом различии заложено уже противоречие, они *ограничивают*, подобно Плеханову, всеобщий характер закона противоречивого развития. Между тем Ленин, наоборот, подчеркивает *условный, временный, относительный* характер единства, тождества, взаимопроникновения противоположностей и *абсолютный* характер их взаимного отрицания, взаимоисключения противоположностей, их *борьбы*, являющейся *источником развития*.

Определенное единство противоположных сторон, тенденций в предмете каждый раз не носит абсолютного характера, оно имеет относительное значение. Но если временно, относительно преходящее *единство* противоположностей, которые также не остаются неизменными, как и самый предмет, то абсолютна *борьба* их. Все существующее на земле изменяется в силу борьбы противоположностей, каковы бы ни были последние по своему характеру.

«Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей,—подчеркивает Ленин,—*условно*, временно, преходяще, релятивно. *Борьба* взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹.

И в релятивном, относительном есть абсолютное, говорит в другом месте Ленин. И во взаимопроникновении противоположностей мы должны видеть *их борьбу*: самое тождество, взаимопроникновение противоположностей мы должны рассматривать *как проявление их борьбы*,—и в этом заключается глубочайший смысл ленинских слов о переходе от одного к другому, как «самом важном».

Появление нового предмета дает разрешение противоречия, при котором устраняется старое единство вместе с состав-

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 324. Подчеркнуто нами.—*Авт.*

ляющими его противоположностями. Вместо прежнего явления свою историю начинает новое, заключающее в себе с этого момента и свое собственное, новое противоречие, движущее его по пути дальнейшего развития.

Задача научного исследования в любой области заключается в том, чтобы, руководясь этим *общим* законом материалистической диалектики, который является выводом, итогом из всей истории развития человеческого знания, изучить каждый раз на фактическом материале *конкретный* характер противоречивого развития, свойственного данному исследуемому явлению природы или общества. Ни одного принципа материалистической диалектики нельзя превращать в абстрактную схему, из которой *чисто логически* путем можно было бы выводить ответы на конкретные вопросы. Ибо материалистическая диалектика требует неустанный конкретный исследования процессов, происходящих в природе, обществе и человеческом мышлении.

Она учит улавливать не только общие черты, свойственные всем предметам и на всех ступенях их развития, но и особенные черты противоречивого развития, характеризующие данный исследуемый предмет на данной стадии его развития. Не может быть и нет примера разрешения противоречия, годного на все времена и для всех случаев. Нельзя например искать объяснений путей перехода от капитализма к социализму в том особом характере разрешения общественных противоречий, которые имели место при превращении феодальной общественно-экономической формации в капиталистическую.

Гегель, впервые давший выражение закону единства противоположностей, понимал его однако идеалистически извращенным образом. Объектами познания Гегель считал ступени развития мысли—не действительные предметы, как они существуют в действительном мире, а лишь мысленные, абстрактные предметы, создаваемые и в столь же абстрактном, как и сами предметы мышления. Поэтому и закон единства противоположностей у Гегеля означал закон мышления, имеющий самый общий характер, но оторванный от действительного, конкретного развития природы и истории.

Взаимопроникновение противоположностей по Гегелю выражают взаимопроникновение противоположностей не в действительности, а в мышлении. И если Гегель обращается за примерами к явлениям окружающего мира, так это для того, чтобы подтвердить свою логическую конструкцию, а вовсе не для того, чтобы на почве изучения конкретных условий их реального движения объяснить, при каких *условиях* происходит разрешение противоречий и *каким* особым образом совершается переход явления в свою противоположность. Вот почему в диалектике Гегеля переходы понятий одного в другое носят произвольный характер. Разрешение противоречия у Гегеля есть произвольное, иллюзорное, привносимое в действительность из абстрактного мышления: оно есть лишь *мысленное* разрешение противоречия и потому абстрактное, оторванное от развития действительного мира.

Итак признание закона единства противоположностей сутью диалектики, равно как и других законов диалектики, давая нам ключ к диалектическому познанию, в то же время не только не

избавляет от тщательного изучения явлений природы и общественной жизни, а, наоборот, необходимо требует конкретного их изучения. Конкретный анализ реального развития явлений должен служить точным обоснованием и подтверждением этого закона, применяемого в своей общей форме к любым предметам. Обратное понимание его есть оплошление материалистической диалектики, извращение ее. Закон единства противоположностей, как и вся материалистическая диалектика в целом, есть *руководство к действию* и к научному исследованию.

Маркс и Энгельс поставили «на ноги» идеалистическое учение Гегеля о единстве противоположностей, материалистически переработали его, сделали его всеобщим законом развития объективного мира и отражающего его мышления. Применяв этот закон к познанию исторического процесса, они усмотрели основные причины общественного развития в противоречии между развитием производительных сил и производственными отношениями, в противоречиях классовой борьбы, в производном от них противоречии между экономическим основанием и политической и идеологической надстройкой. Применяв материалистическую диалектику к познанию экономической структуры капиталистического общества, Маркс вскрыл его основное противоречие—противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, получающее свое проявление в противоречии между организацией производства на отдельном предприятии и анархией во всем обществе, свое классовое выражение в борьбе между буржуазией и рабочим классом.

В качестве иллюстрации приведем некоторые образцы из диалектики «Капитала» Маркса. Только уяснив *общую* идею «Капитала», поняв «Капитал» в целом как логику, диалектику и теорию познания, можно проследить диалектику отдельных экономических категорий «Капитала». Без этого нам грозила бы опасность сбиться на «сумму примеров» из диалектики «Капитала», что так обычно для механистов и меньшевистствующего идеализма.

Диалектика отдельных экономических категорий «Капитала» видна из экономического движения капиталистического общества в целом. Переход от простого товарного производства и обращения к капиталистическому производству и дальше гибель капитализма и предпосылки возникновения нового, социалистического строя обусловлены *двойственностью*, противоречием, лежащим в основе товарно-капиталистического производства. Эта двойственность и противоречие определяют природу и *всех отдельных экономических явлений и категорий*: товара, денег, капитала, стоимости и т. д.

Начнем с товара. Товар имеет двойственную, т. е. противоречивую природу. Как вещь он обладает полезными свойствами, именуемыми на экономическом языке потребительной стоимостью. С другой стороны, как товар он обладает стоимостью, может обмениваться на другой товар. Если потребительной стоимостью обнаруживается качественная сторона товара, то в меновой стоимости выражается количественная сторона товара. Благодаря стоимости товары могут приравняться друг к другу.

Товар есть продукт труда. Подобно товару, и труд имеет две

стороны, две природы: конкретную (качественную), имеющую значение для потребительной стоимости, и абстрактную (количественную), создающую стоимость товаров. «Если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь *качество* содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь *количество* труда»¹.

Из этого противоречия вытекают другие. Каждый товар свою стоимость измеряет *другим* товаром, обладающим *иными*, несоизмеримыми полезными свойствами (учение об относительной и эквивалентной стоимости), величина стоимости товаров *обратно пропорциональна* массе товаров, производимых в данное общественно-необходимое время, и т. д.

Какова бы ни была производительная сила, она может изменить только форму полезных свойств различных веществ. Производительная сила не может изменить свойств холста, она может только придать холсту форму одежды. Изменение формы различных вещей и зависит от конкретного вида труда. Но в обществе товаро-производителей труд имеет еще другую сторону—количество труда, выступающее как труд вообще, как абстрактный труд, создающий стоимость вообще. «Труд есть отец богатства, земля—его мать».

Дальнейшее диалектическое движение товара состоит в превращении товара в деньги, как указывает Маркс.

«Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющее в товарной природе противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этому противоречию заставляет искать самостоятельной формы для воплощения товарной стоимости и не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги»².

Так *количественное* развитие обмена товаров приводит к новому *качеству*—денежной форме. Источник этого движения лежит в *противоречии* товарной формы, т. е. в конечном счете в *противоречии* между общественной формой производства и частной формой присвоения.

Деньги тоже товар, но это товар в «снятой» форме. Деньги есть товар и одновременно *отрицание* товара. Деньги—абсолютный товар, посредством которого измеряются стоимости всех других товаров. Как таковые деньги превращаются в средство обращения товаров. Здесь проступает новое *противоречие*. Как в зеркале отражая в себе противоречия общественных отношений, деньги не знают покоя и все время несут на себе печать этих противоречий. Если мы возьмем деньги в отношении самих себя как тождество, то сразу же оказывается, что это тождество есть источник нового раздвоения, нового противоречия: денег как средства обращения и как самостоятельного бытия меновой стоимости абсолютного товара.

«Функция денег, как платежного средства, заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально, как счетные деньги, или

¹ Маркс, Капитал, т. 1, стр. 9. Подчеркнуто нами.—Авт.

² Там же, стр. 43—44.

мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительно платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь мимолетный посредник в обмене веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент промышленных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом»¹.

Всякое движение диалектично. Особый интерес с точки зрения диалектики приобретает поэтому движение, или, как говорит Маркс, *метаморфоз* товаров. Эту главу Маркс начинает следующими словами, имеющими особо важное значение для понимания диалектического метода «Капитала»: «Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе *противоречащие и исключющие друг друга отношения*. Развитие этого процесса, который обнаруживает *двойственный характер* товара, являющегося потребительной стоимостью и меновой стоимостью, и приводит к разделению товарного мира на простые товары и денежный товар, не устраняет этих противоречий, но создает форму для их движения.

Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия»².

Итак *противоречие* товарной формы обуславливает форму движения товаров. Товар как стоимость обменивается при посредстве денег на потребительную стоимость: Т—Д—Т. Этот кругооборот товаров имеет две противоположные фазы движения. В начале товарная форма превращается в денежную. Затем обратно: денежная форма превращается в товарную. Происходит своеобразное *отрицание отрицания*. С одной стороны, товарная форма отрицается денежной, и последняя снова отрицается товаром. С другой стороны, в начале кругооборота товар не является потребительной стоимостью, у конечного пункта он—потребительная стоимость.

Если взять дальше *кругооборот товаров* в целом, то он отрицается в свою очередь *кругооборотом капитала*. В первом случае мы имеем движение товаров, во втором—движение денег, превратившихся в капитал. В первом случае деньги были средством обращения, во втором они являются целью. В кругообороте Д—Т—Д товар выступает только как необходимая фаза превращения одной стоимости (Д) в другую—большую стоимость (Д').

«Стоимость становится таким образом самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами и как таковая она капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот»³.

Обращение капитала есть лишь дальнейшее развитие движения товаров, а следовательно и дальнейшее развитие противоречий общественных отношений. В качестве своих исторических предпосылок капитал имеет: 1) накопление денег и 2) появление

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 85.

² Там же, стр. 57. Подчеркнуто нами.—Дет.

³ Там же, т. I, стр. 100.

нового товара—*рабочей силы*. Рабочая сила—это единственный товар из всех других товаров, который способен в процессе потребления, в процессе труда создавать сверх своей стоимости прибавочную стоимость. Деньги, потраченные на ее покупку, возвращаются к капиталисту с прибылью.

Но только определенное количество получаемой прибавочной стоимости делает собственника денег капиталистом, и следовательно только определенная сумма денег может стать капиталом. Нужна именно такая сумма денег, которая может обеспечить покупку рабочей силы, способной произвести прибавочную стоимость в размере, необходимом для содержания капиталиста и увеличения как постоянного, так и переменного капитала. Таким образом капитал как новое качество связан с определенным количеством.

Прибавочная стоимость (количество) имеет ту особую форму или *качество*, что она выражает эксплуатацию рабочего капиталистом. Товарное производство порождает обращение товаров на основе эквивалентного обмена. Собственник товара обменивает его на товар такой же стоимости другого собственника. Картина «качественно» меняется при капиталистическом производстве и обращении. Здесь капиталист, собственник капитала, присваивает себе неоплаченный труд рабочего. Это новое *качество* и выражает новая форма стоимости (количества)—прибавочная стоимость.

В письме к Энгельсу (24 августа 1867 г.) Маркс писал:

«Самое лучшее в моей книге («Капитал»): 1) в *первой* же главе подчеркнутая особенность *двойственного характера труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этой теории о двойственном характере труда по-роится *все* понимание фактов); 2) *прибавочная стоимость* рассматривается *независимо от ее особенностей* форм как прибыль, процент, земельная рента и т. д.»¹

Вполне понятно, почему Маркс выделяет указанные два пункта. Они имеют решающее значение в понимании сущности экономики капитализма. Двойственность, противоречивость труда в условиях капиталистического производства отражает *основное противоречие* капиталистического общества—противоречие между *общественным* характером производства и *частной* формой присвоения. Проследивая в экономике развитие этого противоречия, Маркс находит в самом капиталистическом обществе и материальную возможность, и способ, и силу для *преодоления* этого противоречия. Таким способом является обобществление средств производства; такой возможностью—концентрация производства; силой—пролетариат, вышколенный, дисциплинированный самим капиталистическим производством, закаленный и политически созревший в классовых боях с буржуазией.

Учение о прибавочной стоимости, рассматриваемой независимо от ее особых форм, легло в основу лениного, резкого противопоставления антагонистических позиций буржуазии и пролетариата. Это дало возможность особо выделить классовые противоречия между пролетариатом и всеми угнетенными, с одной стороны, и между *всеми* группами эксплуататоров, с другой стороны.

¹ Маркс и Энгельс, Письма, стр. 198.

В этих двух пунктах с наибольшей силой сказался и диалектический метод Маркса. Все изложение «Капитала», опираясь на эти два пункта, спиралью разворачивается, раскрывая фетишистский характер капиталистических отношений, все шире и шире вскрывая внутренние противоречия капиталистического общества, прослеживая экономическую основу и различные формы капиталистической эксплуатации и рост антагонизма между буржуазией и пролетариатом, все дальше и дальше прослеживая историческую тенденцию гибели капитализма и развития предпосылок нового коммунистического общества. Для кого ясна диалектика учения о товаре и прибавочной стоимости, опирающаяся на закон единства противоположностей, тот легко поймет и диалектику «Капитала» в целом.

Ленин и Сталин поднимают марксистское понимание закона единства противоположностей на высшую ступень. Ленин обращает особое внимание на выявление всего значения этого закона как сути, как ядра диалектики. «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития»¹. Ленин поясняет и развивает эту суть диалектики на основе неразрывного единства теории и революционной практики, в применении к анализу важнейших этапов пролетарской борьбы. Понимание внутренней противоречивости развития имело огромное значение для ленинского анализа развития русской революции, для его учения о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Большевики рассматривали буржуазно-демократическую и социалистическую революцию «как два звена одной цепи, как сдвинутую и цельную картину размаха русской революции»². Ленин и Сталин подчеркивают все своеобразие российского «военно-феодального империализма», позволившего объединить историческое развитие буржуазно-демократической революции, направленной против царизма и проходившей под руководством и гегемонией пролетариата, с пролетарской революцией, бьющей по капитализму. «От революции демократической,—писал Ленин,—мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»³.

Подчеркивая в противовес правым паникерам (Каменев, Зиновьев) это единство буржуазно-демократической и социалистической революции в исторических условиях развития России, Ленин в то же время борется с троцкистским непониманием этапов и переходных ступеней в развитии революции, отношения пролетариата к крестьянству на различных этапах революции. «Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 277.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 23.

³ Ленин, Отношение социал-демократии к крестьянскому движению, Соч., т. VIII, стр. 186.

к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии...»¹ Если бы революционный пролетариат не сумел учесть классового расслоения деревни, «тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная и что без ряда переходов, переходных ступеней, сделать ее социалистической в отсталой стране нельзя»².

Закон единства противоположностей положен Лениным в основу анализа империализма как особой и новой ступени в развитии капитализма. Ленин вскрывает здесь единство *общего* и *особого*, общих закономерностей и противоречий капитализма и тех особенностей, которые привносятся империалистической стадией. Ленин показывает, что эти особые признаки империализма не только не отменяют, но еще *усиливают* проявление общих капиталистических противоречий, что единство и переплетение монополии и конкуренции не только не уменьшают остроты капиталистических противоречий, но еще более *обостряют* их, способствуют еще углублению и обострению капиталистической конкуренции. Ленин и Сталин утверждают, что *диктатура пролетариата есть основной закон периода борьбы нарождавшегося коммунизма с умирающим капитализмом*. Ленин и Сталин вскрывают двойственный характер века как политики, допускающей борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанной на победу социализма, «как *двусторонний* процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими»³.

Тов. Сталин показывает, как обострение капиталистических противоречий в новую эпоху сопровождается возникновением нового противоречия, уже не внутрикапиталистического порядка, а противоречия между капитализмом в целом и страной строящегося социализма, как это последнее противоречие «*вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков*»⁴.

II. Закон перехода количества в качество и обратно

Другой закон материалистической диалектики—это закон перехода количества в качество и обратно. Для понимания процесса развития этот закон имеет важнейшее значение, ибо в этом законе диалектики находит свое выражение революционный скачкообразный переход от одного качества к другому.

¹ Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. XXIII, стр. 394.

² Там же.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 231. Подчеркнуто нами.—*Авт.*

⁴ Там же, стр. 499. Подчеркнуто нами.—*Авт.*